Глава 47.

В конце концов, Мэн Цинцянь сделала шаг назад.

Во дворце Линьсюань Мэн Цинцянь сидела на почетном месте, попивая белую воду, налитую ей сестрой.

- Дворец тратит довольно много денег каждый месяц, ты... - Мэн Цинша смотрела на чашку без чайных листьев и продолжила, - Почему так происходит?

Мэн Цинжоу сидела рядом с сестрой и смущенно сказала:

- Некоторые... некоторые люди приходили ко мне. Говорили, что их матери дома плохо...

- Ты давала им деньги?

- Да...

- Сколько ты давала?

- Всего несколько лянов серебра...

- Только несколько лянов... - Мэн Цинцянь поняла, что здесь что-то не так, и продолжила расспросы, - Сколько таких людей каждый месяц просит серебро?

Глаза Мэн Цинжоу уклончиво бегали по сторонам.

- Не очень много, немногие, немногие.

- Сколько?

- Десяток, несколько.

Мэн Цинцянь посмотрела на сестру и с легкой головной болью потерла лоб.

- Разве ты не понимаешь, что они тебя обманывают?

- Иногда знаю.

- И, несмотря на это, ты давала?

- Они такие жалкие...

Мэн Цинцянь фыркнула:

- Они жалкие? Как может заслуживать слово "жалкий" кто-то коварный?

Однако, глядя на вид Мэн Цинжоу, Мэн Цинцянь все же не сказала слова слишком резко.

- Разве ты не жалеешь себя?

Мэн Цинжоу радостно засмеялась:

- Я? Я не жалею себя. Я могу каждый день греться на солнышке и выходить почасно погулять.

Мэн Цинцянь посмотрела на несуществующую принцессу Наньчжу и увидела её улыбку, и вдруг немного позавидовала ей.

Прежде чем взять императорское правление в свои руки, она была такой же беззаботной, как и та.

В самом деле, быть беззаботной - это то, чем и должна заниматься девушка девятнадцати лет, не так ли?

К сожалению, с императорской властью в руках всё это уже никогда не вернется к тому, что было.

- Наньчжу, мне нужна твоя помощь в одном деле.

- Сестра, говори.

- Хэ Юньсяо, ты знаешь его?

Мэн Цинжоу покачала головой.

- Не слышала о нем.

Мэн Цинцянь продолжила:

- Этот мужчина - сын шанского генерала. Говорят, он невероятно красив, но характер у него странно плохой. Он пристрастился к вину и разврату, только и делает, что зло.

Мэн Цинцянь посмотрела в глаза сестры и вспомнила образ её с мечом у горла. Она сжала руки. Она знала, что у неё нет полной уверенности в том, что Наньчжу выйдет замуж за кого-то, особенно за такого презренного человека с ужасным характером и крайне низкой нравственностью, как Хэ Юньсяо.

Глубоко вздохнув, она сказала:

- Сестра хочет, чтобы ты вышла за него замуж.

Мэн Цинжоу не слишком долго колебалась.

- Хорошо.

Мэн Цинцянь удивилась:

- Почему?

Мэн Цинжоу опустила голову и сказала:

- Брак - дело родительского приказа и свахиных слов. Теперь, когда и отца, и матери нет в живых, решение о замужестве Наньчжу принимают сестра и мать.

Мэн Цинцянь смотрела на сестру, опустившую ресницы, и вдруг почувствовала некоторую неохоту. Эта девушка имела в крови ту же кровь Мэн, что и она сама. Как она может быть отдана просто так кому-то вроде Хэ Юньсяо?

Она встала.

Мэн Цинцянь сказала:

- Я попросила тебя выйти за него замуж, чтобы заполучить поддержку маркиза. У меня нет свирепого генерала в руках, нет армии, которую можно использовать. Без поддержки маркиза Хэ в будущем может произойти мятеж, и королевство окажется в опасности.

Мэн Цинжоу была озадачена:

- Почему ты так говоришь, сестра? Разве у нас нет таких верных генералов, служащих стране, как Чу Тяньчжу? Как может произойти мятеж?

На лице Мэн Цинчжао появилась горькая улыбка.

Эта глупая девочка до сих пор не знала, что Чу Тяньчжу был уничтожен, и даже армия Чу...

Вдруг глаза Мэн Цинхао заблестели.

Армия Чу не погибла!

Хотя Чу Тяньчжу и Ду Ле мертвы, Фань Юй всё ещё жив! И здесь, в Иньцзине, была открыта академия.

Если она сможет попросить его выйти и объединить старую армию Чу, Наньчжу не нужно будет выходить замуж ни за кого.

Мэн Цинцянь взяла сестру за руку.

- Наньчжу, я уже придумала способ разрешить ситуацию и завтра сама его испробую. Что касается замужества, даже если мать будет торопить тебя, не спеши, подожди несколько дней и дождись известий от сестры.

Мэн Цинжоу была сбита с толку: почему она хотела выдать её замуж в один момент, а в следующий - нет?

Она сама, в самом деле, не придавала этому значения, для неё дочь всегда должна была выйти замуж. За Хэ Юньсяо или кого-то другого - разве это имело значение?

Однако раз сестра сказала сначала не соглашаться, то и не соглашаться сначала.

Мэн Цинцянь добавила:

- Если мой план не сработает, Наньчжу, вопрос о замужестве за другого тебе всё равно придется принять.

Мэн Цинжоу кивнула головой.

Закончив дела, Мэн Цинцянь не задерживалась надолго. Государственные дела были слишком заняты, и было ещё много сложностей, специально созданных премьер-министром Ханем, чтобы увеличить её рабочую нагрузку.

Но ей не оставалось ничего другого, кроме как тщательно рассмотреть каждую из них. В противном случае, это сделало бы и без того нестабильную династическую ситуацию еще

менее благоприятной.

Покинув дворец Линьсюань, Мэн Цинцянь сказала служанкам вокруг себя:

- С этого момента ни одна из служанок или евнухов не должны приближаться к Наньчжу. Никому не разрешается приходить во дворец Линьсюань выпрашивать. Всякий, кто ослушается приказа, будет казнен на месте.

...

Хэ Юньсяо вышел из покоев вдовствующей императрицы и побежал что было сил.

Дело было не в том, что он так торопился вылечить яд, а в том, что боялся: если он будет медленно действовать, вдовствующая императрица снова вызовет его обратно императорским указом.

Только пробежав хорошее расстояние, Хэ Юньсяо почувствовал преимущества тренировок в боевых искусствах. Ноги не болели, дыхание не сбилось.

Если бы это была его прошлая жизнь, он смог бы пробежать весь марафон, спринтом. А потом радостно получил небольшой браслет, маленькую машинку и маленький домик – комплект из трех предметов.

Хэ Юньсяо плохо ориентировался во дворце, однажды отец водил его сюда, когда праздновался день рождения вдовствующей императрицы, и с тех пор он здесь не был.

Как раз мимо проходила дворцовая служанка, и Хэ Юньсяо схватился за возможность, сразу спросив:

- Сестрица, как мне попасть в Императорскую больницу?

Увидев Хэ Юньсяо и его невероятно красивое лицо, подошедшее так близко к её собственному, служанка покраснела и ответила:

- Сначала это, потом вот так, и, наконец, вот так...

Хэ Юньсяо кивнул, показывая, что понял, но на самом деле он ничего не понял.

Хотел спросить снова, но служанка заикалась и не могла вымолвить ни слова.

Хэ Юньсяо был более опытен в этой области. Такая умная сестра Ду, когда он её дразнил, тоже

смущалась и говорила всё, о чём сестра Цзян спрашивала.

Дворцовая служанка, какой бы сильной она ни была, точно не сильнее сестры Ду. Хэ Юньсяо не хотел смущать её и отпустил.

К счастью, через некоторое время он наткнулся на молодого евнуха.

Хэ Юньсяо поспешно схватил его и, наконец, выспросил расположение Императорской больницы.

В архитектурном плане Императорская больница ничем не отличалась от других обычных зданий во дворце.

Однако, подойдя ближе к больнице, издалека можно было почувствовать аромат лекарств.

Войдя внутрь, он понял, что больница использовала просторную аллею у входа, чтобы высушить там множество лекарственных трав.

Несколько молодых людей в серых и желтых халатах были заняты сушкой трав - это были ученики.

Даже если ты всю жизнь проработал в Императорской больнице, без сдачи экзамена ты всегда останешься учеником.

Тем не менее, многие родители из врачебных семей с радостью посылали своих сыновей в Императорскую больницу.

Хэ Юньсяо сказал, что он очень хорошо понимает эту практику.

В прошлом был Лю Кайсюн из особняка Весенний Ветер, который серебром пробился вперед Чу Фаня, а в будущем будут молодые господа из врачебных семей, приходящие в Тайюаньскую больницу ради престижа.

Можно только сказать, что на протяжении веков прогресс был достигнут, но не полностью.

Прибыв в Тайюаньскую больницу, он не стал разбираться, знаком ли он с ней или нет, и, задав кучу вопросов, быстро нашел тайюаньского врача Вэй, о котором рассказывал его отец.

Правда, он не был с ним хорошо знаком. Но после того, как был отправлен пакет хорошего чая, старик и молодой человек сразу стали называть друг друга "дядя" и "племянник". Будто они были давно потерянными родственниками.

Тот факт, что он был отравлен пилюлями поедающими душу, на самом деле не то, о чем стоит распространяться, чтобы это не привело к неприятностям.

Об этом он мог бы поговорить с тетей и отцом, поскольку они были ему близки. Сейчас в Тайюаньской больнице много народа, поэтому Хэ Юньсяо всё ещё очень осторожен.

Как только он прошептал дяде Вэю, то увидел, что лицо старого врача из счастливой улыбки превратилось в мрачное.

Его сердце похолодело.

Хэ Юньсяо наблюдал, как дядя Вэй проверяет его пульс, и тихо спросил:

- Дядя, эти мои пилюли, поедающие душу, всё ещё безнадежны?

Доктор Вэй сказал:

- Пилюля, поедающая душу - это чудесная пилюля тысячелетней давности, и на протяжении веков мы, изучающие медицину, считали величайшей честью решить загадку этой пилюли. Однако, какой бы ни была формула, есть одна трава, которую нельзя заменить, и это "цветок феи". Этот цветок давно исчез, поэтому твою пилюлю, поедающую душу, нельзя расколдовать.

Хэ Юньсяо был готов к этому и не слишком удивился.

Он только сказал:

- Пожалуйста, сохраните в тайне от моего отца тот факт, что пилюля, поедающая душу, неизлечима.

Императорский врач Вэй рассмеялся:

- Я молчу, ты поистине сын почтительный. Однако кто сказал, что пилюля, поедающая душу, не имеет решения?

Хэ Юньсяо: ?

Спасен?

http://tl.rulate.ru/book/87329/3594043